

ности в первые десятилетия XVIII в. в окрестностях г. Кунгура реально при комплексном исследовании не только одного Мазуевского завода, но и обследовании других небольших железоделательных производств, в т.ч. вододействующих, возникших в то время вокруг Оветинской горы, т.к. сохранились их описания с указанием владельцев, соотносимые с картой местности XVIII в.

Е.В. Маркасова
(г. Санкт-Петербург)

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ РИТОРИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (ФИГУРЫ РЕЧИ) КНИЖНИКАМИ ВЫГА

В XVII в. в старообрядческой среде оформились два подхода к тексту: радикально неконвенциональный (Аввакум, Спиридон Потемкин) и конвенционально-архаизирующий (Савватий, Авраамий, Федор Иванов). По мнению исследователей (М.А. Бобрик, Н.В. Понырко и др.), именно вторая позиция легла в основу языковых представлений книжников Выговской литературной школы, признавших ценность грамматического знания и риторической образованности.

На Выгу изучали и переписывали риторики, известные в то время в России (см. работы В.Г. Дружинина, Н.В. Понырко и др.). Деятельность выговских книжников хронологически совпала с периодом формирования в русском языке терминологии гуманитарных наук (см. исследование Л.Я. Рупосовой), что делает актуальным наш анализ понятийного аппарата риторики-свода (далее РС), созданной в 1730-е гг. с опорой на материалы риторик Стефана Яворского, Лихудов, Ф. Прокоповича и др.

Термины, употребляемые в РС (раздел “Фигуры речи”), снабжены толкованиями и примерами, иллюстрирующими теоретический комментарий. Налицо тенденция заменять заимствованный термин термином славянского происхождения: “епанафора (возвращение) обращение”; “полисиндетон (многосоюзное) многосложное”; “симлока (соплетение) объятие” и т.д. Очевидна как конкуренция русского и иноязычного варианта, так и конкуренция русских вариантов. Это явление было закономерным в эпоху становления терминологии

гуманитарных наук. Предпочтение русского варианта явно выражено лишь во второй части РС, где собраны примеры использования риторических фигур в текстах, частью принадлежавшие А. Денисову, частью заимствованные из других риторик.

РС не всегда приводит толкование термина. В первую очередь это касается фигур убавления, которые, возможно, не комментировались, поскольку само разрушение грамматических связей, логические и интонационные сбои не были подкреплены древнерусской синтаксической традицией.

Правомерно предположение, что обилие синонимов для обозначения одного понятия и отсутствие их для другого отражает представления книжника об определенных языковых моделях. Так, цепочечное нанизывание, обилие параллельных и зеркальных конструкций в древнерусском языке более раннего периода позволяет книжнику, склонному к архаизации текста, более подробно комментировать фигуры речи, функционирующие в рамках данных синтаксических структур (анафора, эпифора, гомеотелевтон, хиазм и др.).

Мы предполагаем, что восприятие терминологического аппарата, активизация применения одних и игнорирование других терминов риторики частично обусловлены степенью распространенности конкретных риторических фигур в текстах, относящихся к определенному историческому периоду. В частности, изученный нами языковой материал Жития Корнилия Выговского (20-30-е гг. XVIII в.) показывает, что фигуры убавления встречаются в тексте значительно реже фигур прибавления и подобия. Для окончательного решения вопроса необходимо продолжить лингвистическое изучение памятников житийной литературы Выга.

В.А. Перевалов
(г. Екатеринбург)

**КОМПИЛЯЦИЯ “ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫПИСКИ
ПО РУССКОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ”
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ УРАЛЬСКОГО
СТАРООБРЯДЧЕСТВА**

В Древлехранилище Уральского университета хранится небольшая по объему рукопись: НБ УрГУ. Шатровское собр., № 54. Р/401.